

На правах рукописи

ЗУБЕНКО Яна Валериевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЖЕНСКОГО НАРРАТИВА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск – 2023

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный университет» на кафедре романо-германских языков и межкультурной коммуникации.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лилия Амиряновна Нефедова

Официальные оппоненты: **Лушникова Галина Игоревна**, доктор филологических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта, профессор кафедры филологии и методики преподавания;

Лапчинская Татьяна Новомировна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доцент кафедры немецкой филологии

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Защита состоится 19 июня 2023 г. в 17.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.089.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» по адресу: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», https://www.csu.ru/Shared%20Documents/_Zubenko_YaV_Dissertacija.pdf.

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.В. Мамонова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена сравнительно-сопоставительному анализу особенностей женского нарратива в художественных текстах немецко- и русскоязычных авторов в функционально-прагматическом аспекте.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения основных составляющих женского нарратива, выявления роли нарратора-женщины в литературном произведении, важностью рассмотрения женского нарратива в культурном, социальном и гендерном аспектах, установления значимости и условий функционирования в нем языковых средств.

Степень научной разработанности темы. Гендерные аспекты нарратива затрагивались в ряде исследований, однако проблема женского нарратива на материале различных лингвокультур в сравнительно-сопоставительном аспекте до сих пор не была предметом монографического изучения.

Для настоящего исследования наиболее значимы труды, посвященные изучению литературного нарратива, сравнению текстов, созданных представителями различных культур, выявлению нарративных стратегий и тактик, изучению гендерных аспектов языка.

Литературный нарратив, его структурную организацию и семантические особенности исследовала К.А. Андреева (1998; 2005; 2006; 2009; 2012). Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива отражены в работах В.А. Андреевой (2007; 2009; 2019). Г.И. Лушникова и Т.Ю. Осадчая подняли вопрос о фрагментарности современного художественного нарратива (2021). В работах Г.А. Жиличевой проанализирована репрезентация нарративных стратегий в жанровой структуре романа (2015). Н.И. Иовва изучила нарративные ресурсы публицистических высказываний, ориентированных на диалог с аудиторией (2018; 2019). В.И. Тюпа проанализировал нарративную структуру в рамках нарративной картины, нарративной модальности и нарративной интриги (2011; 2015; 2018).

К гендерному аспекту нарратива обращалась А.В. Кирилина (2017). Л.А. Кесслер рассмотрела немецкоязычные тексты женских и мужских воспоминаний и описала средства актуализации в них гендерного аспекта (2018). Е.Ю. Микалаускайте выявила признаки культурной чужеродности в литературном ксенонарративе (2019). А.В. Родионова изучила нарративно-гендерные особенности идиостиля Д.И. Рубиной (2019).

Проблема лингвистического конструирования гендера прослежена в трудах О.Ю. Черных (2018), Л.А. Нефедова рассмотрела гендерные аспекты языка в переводоведении (2016; 2017; 2019). Из зарубежных ученых вклад в разработку проблем гендерной лингвистики внесли М. Рич Кей, Р. Лакофф, С. Трёмель-Плётц, Д. Спендер, М. Сильверштейн, Д. Кэмерон, Ю. Кристева, М. Хеллингер, Л. Пуш, Дж. Коатс, М. Рейзигль и др.

Все указанные работы значимы при анализе женского нарратива и могут быть использованы для создания полной картины этого сложного и многопланового явления.

Объектом исследования является женский нарратив в немецко- и русскоязычных художественных произведениях.

В качестве **предмета изучения** выступают нарративные стратегии и тактики, обусловленные особенностями нарратора-женщины.

Цель диссертационной работы – комплексный сравнительно-сопоставительный анализ феминной идентичности и особенностей нарратива женщин в художественных текстах немецко- и русскоязычных авторов в функционально-прагматическом аспекте.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1. Выявить особенности литературного нарратива авторов-женщин, дать дефиниции понятий «женский нарратив» и «нарратор-женщина».

2. Определить и сопоставить языковые способы выражения феминной идентичности в немецком и русском языках.

3. Установить специфику реализации стратегий и тактик женского нарратива на примере немецко- и русскоязычных художественных произведений.

4. Рассмотреть закономерности литературной коммуникации в рамках немецко- и русскоязычных произведений авторов-женщин.

Материалом для исследования послужили тексты современных художественных произведений русско- и немецкоязычных авторов-женщин начала XXI столетия, отмеченные литературными премиями и наградами за лучшее прозаическое произведение, новаторство, злободневность и уникальный стиль. К анализу привлечены разноплановые произведения (от интеллектуальной прозы до массовой беллетристической литературы): К. Гир «Я сказала правду» (Kerstin Gier „Für jede Lösung ein Problem“), 2007; «Непристойное предложение» („Ein unmoralisches Sonderangebot“), 2014; У. Дреснер «Женщина стареет» (Ulrike Draesner „Eine Frau wird älter“), 2018; Э. Хайденрайх «Колонии любви» (Elke Heidenreich „Kolonien der Liebe“), 2005; Э. Хайденрайх «Мужчины в пальто из верблюжьей шерсти» (Elke Heidenreich „Männer in Kamelhaarmänteln“), 2020; А. Вечериной «Исповедь мотылька», 2021; М.М. Степановой «Памяти памяти. Романс», 2017; Т.А. Черемновой «Трава, пробившая асфальт», 2011; Е.С. Чижовой «Время женщин», 2009; «Город, написанный по памяти», 2019.

В качестве единицы анализа выступает нарративный блок (нарратема), рассматриваемый как отдельная смысловая составляющая женского нарратива. Всего было подвергнуто анализу 158 нарративных блоков на материале немецкого языка и 168 – на материале русского языка. Анализ нарратем позволил выявить основные стратегии и тактики, реализованные в нарративе автора-женщины, и охарактеризовать их особенности.

Гипотезой исследования является предположение о том, что сходства и различия в смысловом наполнении женского нарратива в немецко- и русскоязычных литературных произведениях зависят от жанров исследуемых художественных произведений.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых по *теории нарратива*: К.А. Андреевой, В.С. Анохиной, М.М. Бахтина, Е.Ю. Дьяковой, П.А. Каменской, Г.А. Жиличевой, Н.И. Иоввой, О.С. Иссерс, М.Л. Макарова, А.А. Романова, Р.И. Савчук, В.И. Тюпа, М. Фуко, Л. Г. Хоревой, У. Лабова, Дж. Валецки, К. Фридемана, А. Саупе, Ф. Видерманна, К. Хамбургер, Ф.К. Штанцель, М. Ян и др.; *теории лингвистической гендерологии*: А.А. Григорян, Е.С. Гриценко, А.Ю. Першай, И.И. Скачковой, О.Ю. Черных, Х. Калверкампер, Д. Кэмерон, Дж. Коатс, Р. Лакофф, М. Рейзигль, Д. Таннен, С. Трёмель-Плётц, М. Ульрих и др.; *теории феминистской лингвистики*: Е.И. Горошко, Е.А. Земской, М.А. Китайгородской, Н.Н. Розановой, П.Д. Ивлевой, А.В. Кирилиной, А.М. Кузнецова, А.В. Неупокоевой, А.Ю. Першай, Н.Л. Пушкаревой, Л.В. Топка, М. Хеллингер, Л. Хорншайдт, Э. Оксаар, Л. Пуш и др.; *теории функциональной лингвистики*: И.С. Веселовой, Н.К. Кравченко, Л.Е. Муравьевой, Ю.Б. Турушевой, О.В. Сарайкиной и др.; *прагматической лингвистике и теории речевых актов*: С.В. Герасимова, Л. В. Куликовой, Е.Ю. Микалаускайте, Б.Ю. Нормана и др.

Методы исследования. Помимо общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения и систематизации, в работе применен комплекс специальных методов: метод лингвистического моделирования (в ходе изучения процесса коммуникации в рамках литературных произведений, выявления языковых характеристик женского нарратива на синтаксическом, лексическом и стилистическом уровнях); сравнительно-сопоставительный метод (для определения общих и специфических признаков и свойств языковых единиц феминной идентичности в немецком и русском языках); метод лингвокультурологического анализа (при рассмотрении текста нарратива как феномена культуры, в процессе выявления культурной информации в языковом знаке и тексте в целом); метод интерпретации (для определения внутреннего содержания художественных текстов немецко- и русскоязычных авторов). Применялись также дискурс-анализ, стилистический анализ, анализ параллельных текстов (оригинал – перевод).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней рассмотрены теоретические вопросы, связанные с интерпретацией понятия женского литературного нарратива с функционально-прагматических позиций. Кроме того, выявлены особенности женского нарратива в межкультурном сопоставлении, что является необходимым для понимания специфики национальных лингвокультур.

Положения, выносимые на защиту:

1. Женский литературный нарратив реализует коммуникацию особого типа, в которую вовлечены повествователь и читатель, воспринимающий образ нарратора-женщины – представителя определенной лингвокультуры – через ее внутренний феминный мир.

2. Присутствие феминного нарратора в немецко- и русскоязычных текстах проявляется посредством имен собственных, номинаций, лексем,

идентифицирующих говорящего как женщину. Немаловажную роль играют также гендерно-маркированные лексические единицы с выраженной оценочностью и/или стилистической маркированностью. В русском языке, в отличие от немецкого, для обозначения женщины чаще используются номинации общего рода либо номинации, указывающие на мужчин.

3. Нарративные стратегии направляют процесс коммуникации между читателем и автором и подразделяются на стратегии, характеризуемые отношением: 1) персонажа/нарратора к себе (Я – Я₁); 2) персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН); 3) автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ). Нарративные стратегии могут быть комплексными, совмещая несколько стратегий. Стратегии представлены тактиками, позволяющими читателю проследить логику действий и состояние внутреннего мира нарратора.

4. Литературная коммуникация отличается субъективным отношением авторов к предмету повествования в зависимости от их гендерной и национально-культурной принадлежности, что позволяет проводить параллели между особенностями коммуникации в литературных произведениях представителей разных лингвокультур, устанавливая сходства и различия в восприятии окружающей действительности.

Теоретическая значимость исследования определяется углубленной разработкой понятия «женский нарратив», анализом стратегий и тактик, применяемых нарраторами-женщинами в художественном дискурсе. Результаты сравнительного анализа нарратива на примере немецко- и русскоязычных литературных произведений могут быть экстраполированы на другие лингвокультуры, что подтверждает общетеоретическую значимость выдвинутых положений.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его основных положений и результатов в университетском преподавании лекционных курсов по межкультурной коммуникации, сравнительному языкознанию, при составлении образовательных программ лингвистического и филологического направлений.

Апробация работы. Теоретические положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов и сообщений на международных и всероссийских научных конференциях: «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2020); «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» (Воронеж, 2020); «Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы» (Орел, 2020); «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (Костанай, 2020); «Актуальные вопросы 12 филологии и пути их решения в свете глобальных трансформаций» (Москва, 2021), а также на Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора С.А. Хаврониной (Москва, 2020); III Международных

педагогических и гуманитарных научных чтениях (Шадринск, 2020); Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого (Калуга, 2021); Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) «Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы» (Кишинев, 2021).

По теме диссертационного исследования опубликовано 18 научных работ, в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, сформулирована его цель и определены задачи, выдвинута гипотеза, выявлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; указаны методы исследования, представлен теоретический и практический материал исследования; сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические аспекты изучения женского нарратива**» рассмотрены теоретические вопросы, связанные с понятием нарратива, в частности женского нарратива, фокализацией, композиционно-речевыми формами, гендерными аспектами.

Утверждается, что состояние современной нарратологии характеризуется отсутствием единого понимания нарратива, что позволяет расширять его содержание. *Нарратив* находится в составе таких понятий, как текст, дискурс и др., и представляет собой последовательность слов, образов и событий, передаваемых читателю или слушателю в виде повествования, в котором описываются события в заданный промежуток времени, связанные единой кульминацией и другими элементами сюжетной структуры.

В рамках женского нарратива рассматриваются следующие формы повествования: «рассказчик», «повествователь» и «нарратор».

Рассказчик является связующим звеном между читателем и автором. Автор не разговаривает непосредственно с читателем, предоставляя роль субъекта речи рассказчику; повествователь, в свою очередь, репрезентирует повествуемые события с определенной позиции и подает их с конкретной точки зрения.

Повествователь – это «только одна из форм авторского сознания», тогда как автор всеведущ и вездесущ, однако степень его проявленности в тексте может быть различной. Вместо понятий «рассказчик» и «повествователь» В. Шмид ввел категорию «*нарратор*» [Шмид 2008]. Выбор «голоса» нарратора, реального или вымышленного лица, ведущего повествование в художественном произведении, осуществляется при помощи определенной техники подачи

сюжетной информации. Это позволяет создавать иллюзию присутствия участника происходящих событий.

Женский нарратив является формой репрезентации феминного нарратора, повествующего об упорядоченных реальных или вымышленных событиях, существенных для женской модели восприятия окружающей действительности. Действующим лицом в женском тексте выступает *нарратор-женщина* – феминный нарратор, женщина, играющая роль аукториального, персонального или нейтрального рассказчика, ведущая повествование о произошедших событиях в ее жизни или жизни других.

Реферируемое исследование касается повествования от первого лица, в котором в качестве нарратора выступает рассказчик, выполняющий роль персонажа и называющий себя с помощью личного местоимения «я» или реже «мы», ведущий повествование о себе («рассказ о себе») и о третьем лице (лицах) – («рассказ о других»).

Особое место в нарративе занимает *фокализация* нарратора [Женетт 1970], подразделяющаяся на нулевую фокализацию (классический нарратив с повествователем, все знающим о своих героях), внутреннюю фокализацию (информация для читателя подается через призму субъективного сознания героя), внешнюю фокализацию (взгляд читателя на героя через нейтральный безоценочный нарратив).

Текстообразование в нарративе создается за счет таких единиц ментального формализованного языка, как *композиционно-речевые формы* повествования: сообщение, описание, рассуждение.

Для изучения речевого коммуникативного поведения женщины значимо рассмотрение ее речевых действий и речевой деятельности, речевых поступков. Речевые поступки определяются как намеренно созданное высказывание в предлагаемых обстоятельствах, отражающее нравственную позицию коммуниканта, целевая установка которого заключается в воздействии на адресата в кризисной ситуации (своеобразные рычаги влияния на адресата/читателя). Е.А. Попова рассматривает литературный нарратив прежде всего как прозаический художественный текст, созданный человеком (автором) для других людей (читателей) и рассказывающий о людях и событиях, происходящих с ними [Попова 2002]. Литературный нарратив как дискурс является текстообразующей стратегией освоения мира, а как текст – осуществляет эту стратегию через специфические свойства. К центральным категориям можно отнести литературность и нарративность. В качестве прототипа литературного нарратива К.А. Андреева предложила следующую схему анализа: 1) резюме: в чем суть? 2) ориентация: кто, когда, что, где? 3) осложняющее событие: что случилось? 4) оценка: что в этом интересного? 5) результат или решение: что случилось в конце концов? 6) итог: окончание и возвращение к исходной ситуации [Андреева 2006: 118-123].

Женский нарратив имеет ряд отличий от общепринятого понятия нарратива и проявляется в когнитивном, психологическом, коммуникативном и языковом аспектах, что объясняется мировосприятием окружающей

действительности. В зависимости от культурной составляющей, степени проблематичности излагаемой ситуации и желания женщины допускать собеседника в свое личное пространство женский нарратив отличается экспрессивностью окраски и эмоциональностью его передачи.

Женщина повествует об упорядоченных, произошедших или выдуманных событиях со своей личной позиции или передает мнение третьего лица (лиц), с которым она может быть полностью согласна либо выражать свою собственную точку зрения. Особенности женского нарратива отражаются в лингвистических средствах, используемых в коммуникативных стратегиях в немецко- и русскоязычных литературных произведениях.

Присутствие в тексте женщины может проявляться в гендерно-маркированных существительных, субстантивированных прилагательных и наречиях, местоимениях. Женский нарратив в исследовании представлен повествованием от лица женщины в художественных произведениях начала XXI века. Нарратор-женщина вступает в диалог с читателем в качестве рассказчика от первого лица и повествует о себе либо о третьем лице (лицах), что позволяет ей смотреть на проблему через собственное мировосприятие.

Во второй главе **«Функционально-прагматические стратегии и тактики в женском нарративе немецкоязычных и русскоязычных художественных произведений»** предпринята попытка создания модели литературной коммуникации в художественных произведениях с персонафицированным повествователем.

В ходе исследования выявлен ряд особенностей нарративов в немецко- и русскоязычных художественных произведениях, в которых женщина ведет повествование о себе («рассказ о себе» – личностный нарратив), о третьем лице («рассказ о ком-то, чем-то»). Нарративы отличаются внутренней фиксированной фокализацией – все изображается с личной позиции одного персонажа – персонализированного повествователя.

За единицу измерения объема проанализированных нарративов был принят нарративный блок. В немецком языке было рассмотрено 158 нарративных блоков, в русском языке – 168 (всего 326).

Выделение *эксплицитности* и *имплицитности* в нарративных блоках происходит посредством различных критериев.

В *немецкоязычной лингвокультуре* эксплицитность выражена: мовированием (*der Moderator – die Moderatorin*); женскими именами собственными (*Sonja, Olivia*); существительными, указывающими на лица женского пола (*Du warst kein lustiges Mädchen*).

Эксплицитность в *русскоязычной лингвокультуре* прослеживается через мовирование (*принц – принцесса*), определительное местоимение (*сама*), согласование личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я почувствовала, поняла*), субстантивированные числительные (*пятнадцатилетняя*). Все это лингвистические единицы, эксплицитно указывающие на женский род.

Имплицитность в немецко- и русскоязычных произведениях проявляется через действия, типичные для поведения женщины.

Наличие имплицитного и эксплицитного нарратора в тексте свидетельствует о намерении автора на уровне скрытого или открытого смысла заставить читателя сравнивать свои представления об обсуждаемой проблеме или действительности с представлениями читателя. Автор может попытаться убедить читателя занять единую с ним позицию и заставить читателя размышлять.

Стратегия самопрезентации в немецкоязычном произведении представлена (недиегетическим) **эксплицитным нарратором**, нашедшим себя в профессиональной сфере – литературной среде, рассуждающим о себе как члене семьи и коллектива. Например:

*„Ich hasste vielleicht mein Leben, aber ich liebte meinen Job. Ich freute mich jeden Tag auf meine Arbeit. Sehr untypisch für einen Depressiven. Dass ich die geborene **Liebesromanautorin** war, stellte ich im ersten Semester meines Germanistik-Studiums fest“* (Gier 2007: 46–47).

«Может, я и ненавидела свою жизнь, зато любила свою работу. Каждый день я просто нарадоваться ей не могла. Очень нетипично для страдающего депрессией человека. То, что я прирожденный автор любовных романов, я поняла еще в первом семестре обучения на факультете германистики» (перевод М. Наумовой).

Персонализированный нарратор представляет себя как личность, определившуюся с профессиональным направлением. Пол нарратора проявляется грамматически через суффикс *-in* (существительное женского рода *die Liebesromanautorin* образовано путем мовирования от существительного мужского рода *der Liebesromanautor*).

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется путем описания личности, осознавшей, что профессиональное самоопределение должно быть самостоятельным, осозанным и добровольным, что будет залогом успешного профессионального роста и общественного признания и выражено комплексными стратегиями.

Стратегия самопрезентации в русскоязычном произведении представлена нарративом с **эксплицитным** (диегетическим) **нарратором**, повествующим о себе («рассказ о себе»), который предпринимает попытку представить свой образ в социальном мире и создать у окружающих определенное впечатление о себе. Например:

«У самих – никого. Мужья-дети сгнули, поумирали. И внуков нету. Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?»

*Так и повелось: **сама** на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги»* (Чижова 2009).

Пол нарратора проявляется в тексте грамматически: *сама на работу* (слово *сама* – определительное местоимение женского рода) – и лексически: лексемы, указывающие на выполняемые женщиной действия: *постирать на всех, убрать, сготовить*.

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется путем апеллирования к прошлому опыту, эмоциональному настроению, оценке произошедшего события, обращении к сложной женской судьбе молодой женщины и ее пожилых соседок.

В главе в качестве основных выделены стратегии *самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра, эмпатии, дистанцирования и саспенса*. Для немецко- и русскоязычных произведений сохраняются общие названия стратегий, исходя из того, что чувства у всех людей одинаковы, что дает право говорить об универсальности стратегий. На основе моделей коммуникации К. Бюлера и Ю.М. Лотмана стратегии подразделены на следующие типы:

1) Я – Я₁ – отношение к себе; Я – ТЫ – отношение к коллективному адресату/читателю (стратегии самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра);

2) Я – ОН – отношения персонажа/нарратора к другим персонажам (стратегии эмпатии и дистанцирования);

3) Я – ТЫ – отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (стратегия саспенса).

Анализ практического материала показал, что в 326 нарративных блоках было реализовано 7 видов стратегий.

Процентное соотношение нарративных стратегий в немецкоязычных произведениях представлено на Рисунке 1, в русскоязычных произведениях – на Рисунке 2.

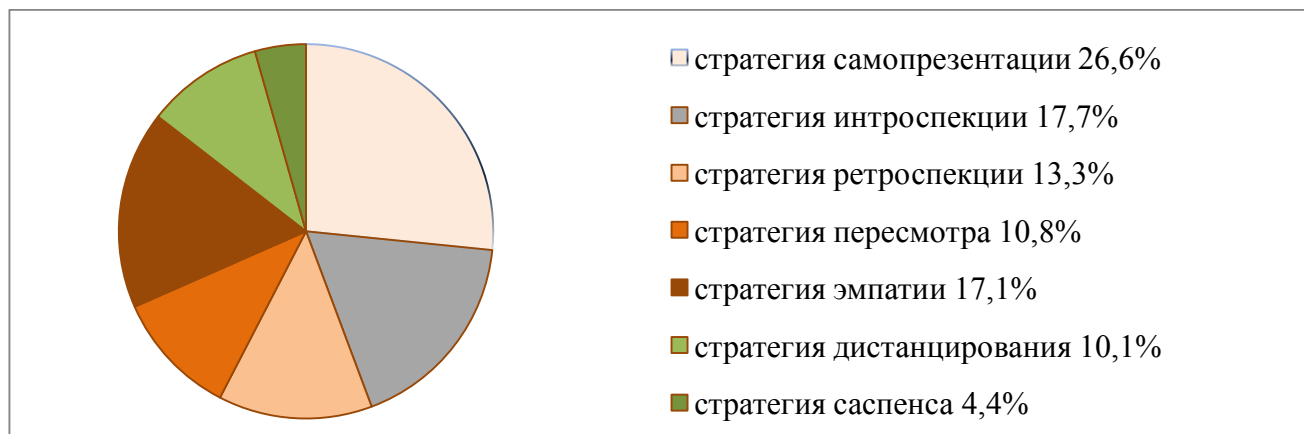

Рисунок 1 – Процентное соотношение нарративных стратегий в немецкоязычных произведениях

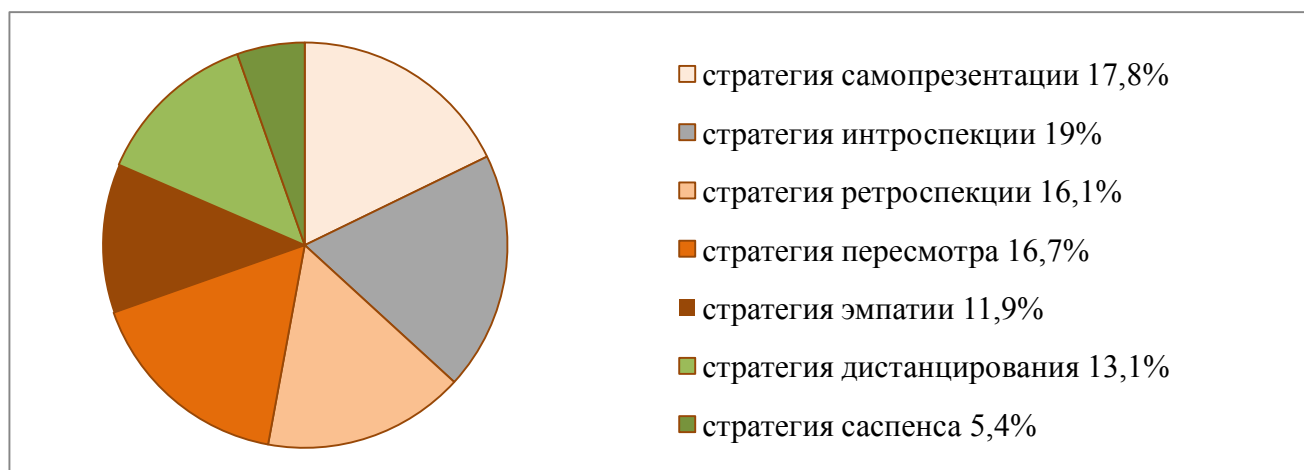

Рисунок 2 – Процентное соотношение нарративных стратегий в русскоязычных произведениях

Наряду с указанными стратегиями могут применяться комплексные стратегии:

В немецкоязычных произведениях (НП)	В русскоязычных произведениях (РП)
<i>самопрезентации – ретроспекции</i>	<i>самопрезентации – ретроспекции</i>
<i>интроспекции – ретроспекции</i>	<i>интроспекции – ретроспекции</i>
<i>ретроспекции – пересмотра</i>	<i>пересмотра – ретроспекции</i>
<i>эмпатии – ретроспекции</i>	<i>эмпатии – дистанцирования – ретроспекции</i>
<i>дистанцирования – ретроспекции</i>	<i>эмпатии – дистанцирования</i>
	<i>саспенса – ретроспекции</i>

Комплексные стратегии позволяют более детально рассмотреть нарратив, что, однако, не является основной составляющей данного исследования. С учетом того, что нарратив представляет собой уже повествование о прошлых событиях, можно заметить, что дополнительной стратегией по отношению к основной является стратегия ретроспекции, которая, в зависимости от языка литературного произведения, отличается по своим лингвистическим средствам.

Данный нарратив является типичным примером, содержащим признаки двух стратегий – **стратегии ретроспекции** и **самопрезентации**, назовем такой вид стратегии комплексной.

„Ich habe lange gebraucht, um bei Kleidern eine Art eigenen Stil zu finden, einfach, klar, keine Rüschen, keine Schleifen, keine weiten Röcke. Ich erinnere mich an den ersten und ich glaube auch einzigen Auftritt von Jil Sander in einer Talkshow, die ich moderierte, es muss Anfang der 80er Jahre gewesen sein. ... Jeder Mensch muss sich kleiden, aber nicht jeder muss sich darum kümmern, was Mode ist. Ich trage manche Sachen dreißig Jahre und mehr, es ist mir egal, ob sie modisch sind

oder nicht, solange sie mir passen, stehen, Freude machen. Aber manchmal reiztes mich natürlich auch ...“ (Heidenreich 2020: 13).

«Мне потребовалось много времени, чтобы найти какой-то свой стиль в платьях, простых, понятных, без излишеств, без оборок и широких юбок. Я помню первое и, думаю, единственное появление Жиль Сандер на ток-шоу, которое я вела, кажется, в начале 80-х. ... Всем нужно одеваться, но не всем нужно заботиться о моде. Некоторые вещи я ношу по тридцать и более лет, мне все равно, модные они или нет, главное, чтобы они мне подходили, мне шли, радовали меня. Но иногда и меня заносит...» (перевод соискателя).

Начало нарратива представляет собой наиболее явный пример ретроспекции: *Ich habe lange gebraucht*, Начальный перфект употреблен в относительном временном значении предшествования по отношению к действиям, выраженным в презенсе. В русском языке это значение может быть лишь приблизительно передано лексическими средствами (*Мне потребовалось много времени*). Значение предшествования в немецком тексте выражено более отчетливо за счет использования специальной грамматической формы, причем глагол *brauchen* в перфекте обычно употребляется редко. В данном случае перфект этого глагола подчеркивает, что выработка своего стиля нарратором стоил ему усилий.

Глагол *sich erinnern* (*вспоминать, напоминать себе*) имеет соответствие в русском переводе (*помнить*), однако немецкий глагол более точно передает предшествование, чем русский. Обстоятельство времени *Anfang der 80er Jahre* в сочетании с модальным глаголом и инфинитивом 2 также указывают на план прошедшего времени: *es muss Anfang der 80er Jahre gewesen sein*.

Переход к обобщающему (*Jeder Mensch muss sich kleiden*), а затем к квалифицирующему презенсу (*Ich trage manche Sachen dreißig Jahre und mehr*) означает смену повествовательной стратегии от ретроспекции к самопрезентации. Квалифицирующий презенс, т.е. презенс стальных глаголов (*glauben*), в отличие от глаголов действия (*tragen*), в сочетании с местоимением первого лица можно рассматривать как один из индексов, указывающих на стратегию самопрезентации.

В главе рассмотрены основные стратегии с их прагматическим значением и лингвистическими средствами в рамках анализируемых примеров, без излишнего обобщения и распространения результатов на всех представительниц лингвокультур.

Стратегия самопрезентации показывает нарратора как разностороннюю личность, упоминающую свои положительные и отрицательные стороны характера, отношение к окружающим, профессиональные качества, умение презентовать себя обществу.

В немецкоязычных произведениях (НП) нарратор проявляет себя более активно при представлении себя окружающим, что выражается в 26,6% примеров. Представительница русскоязычной культуры позиционирует себя как человека, на котором держится семья, она берет на себя ответственность за

воспитание детей и уход за пожилыми людьми, готова много трудиться ради ребенка. Такие примеры составляют 17,8% от общего количества.

К *лингвистическим средствам* выражения в НП относим презенс как основополагающую временную форму и отмечаем двоякую направленность – Я – Я₁ и Я – ТЫ. Отношение к нарратору складывается из его внутренних качеств, отраженных в оценочной лексике, а также самоиронии нарратора. Часто используемые личное местоимение *ich* – «я» и притяжательное местоимение *mein* – «мой» также являются маркерами стратегии самопрезентации. В РП нами отмечается наличие нейтральной и отрицательной лексики в собственной характеристике нарратора, а при описании происходящего, как и в НП, используется настоящее время.

Нарратор-женщина, помимо представления себя самой и выражения интереса по отношению к другим, самостоятельно углубляется в различные аспекты своей собственной активности – мысли, образы, переживания, что проявляется в *стратегии интроспекции*, составляющей 17,7% для немецкоязычного нарратора и 19% для русскоязычного.

Лингвистическими средствами выражения стратегии интроспекции являются: лексика, демонстрирующая чувства; процесс размышления, внутренний монолог – для НП, эмоционально-экспрессивная лексика для РП.

Признаками стратегии в НП и РП являются рассуждение и саморефлексивность. Однако для немецкоязычного нарратора саморефлексивность выражена в поиске себя и самоиронии, для русскоговорящего – в самокритике, принятии реальности и смирении.

Эмоциональный аспект выражен на лексическом и синтаксическом уровнях. Неполные (односоставные) предложения свидетельствуют об описании нарратором ситуаций, которые ограничиваются им с учетом его коммуникативной потребности. Одним из видов неполных предложений выступают эллиптические предложения. Незаконченные предложения позволяют нарратору быстро выразить мысль либо посредством таких видов предложений составить план дальнейших действий. Для получения определенной информации нарратор использует вопросительные предложения. В предложениях имеет место нарушение синтаксической структуры, что объясняется поиском нарратора наиболее подходящего выражения или слова, необходимостью уточнения информации. Для стратегии интроспекции также характерно наличие модальных глаголов.

Нарратор склонен вспоминать положительные и отрицательные моменты в своей жизни, от его внутреннего отношения к ранее произошедшим событиям зависит его настоящее. Обозначим данную стратегию как *стратегию ретроспекции*, которая представлена 13,3% в НП и 16,1% – в РП.

Признаки стратегии для НП – оценка значимых событий в жизни (как положительных, так и отрицательных), для РП – обращение к ностальгическим воспоминаниям (сожаление).

Лингвистическими средствами выражения стратегии ретроспекции для обоих случаев является грамматическая категория пространственно-временной

неразрывности, состоящая из определенной последовательности событий, фактов во времени и пространстве. Для НП это относительное употребление времен (плюсквамперфект, претерит, кондиционалис 2).

Индексами стратегии ретроспекции являются повторяющееся событие в прошлом (например: *immer – всегда, jeden Tag – каждый день*); претерит и наречие времени *jetzt (сейчас)*, которые показывают дистанцию во времени; предшествование во времени: *vor zehn Jahren*. Названное ранее время прослеживается в наречии времени *seitdem (с тех пор)*. Разрыв между упоминаемыми событиями и удаленность во времени может передаваться через ряд выражений: *zwei Jahre später – спустя два года, aus dem vorigen Jahrhundert – из прошлого века*. К индексам стратегии ретроспекции также относим перечисление увеличивающихся числовых указателей возраста: *37, 40, 47, 49, 50*.

Следующим индексом *стратегии ретроспекции* является относительное употребление временных форм: перфект, плюсквамперфект при употреблении вместе с презенсом и претеритом показывают предшествование одного действия другому, итеративный претерит демонстрирует повторяемость событий в прошлом. Наречие времени *jeden Tag – каждый день* используется чаще в разговорной речи и характерно для подчеркивания регулярной периодичности. На стратегию ретроспекции также может указывать сочетание модального глагола и инфинитива 2, тогда как переход к обобщающему, а затем к квалифицирующему презенсу означает смену повествовательной стратегии от ретроспекции к самопрезентации.

В РП наречие *уже* указывает на завершенное действие, наречия *когда, когда-то, тогда, впоследствии* служат для описания события в прошлом, выражения *за год до (этого), до ...* – предшествование. Существительное *детство* (прошлое) и словосочетание *зрелый возраст* (настоящее) обращают внимание читателя на жизненный период нарратора. Используется устаревшая лексика (парный союз *не только ... но и – не только ... но и*).

Нарратор-женщина имеет особенность переосмысливать и менять решение, что отражается в **стратегии пересмотра** и составляет 10,8% для немецкоязычного нарратора и 16,7% – для русскоязычного, каждый из них, при всей ответственности и умении анализировать, хочет надеяться на кого-то еще.

Лингвистическими средствами выражения **стратегии пересмотра** в НП являются: лексика с семантикой процесса принятия решения и обдумывания, оценочная лексика (отрицательная, положительная оценка). Нарратору важно выделить в своем повествовании новые и важные аспекты, что он и делает через сравнение (*als, aber wenn*). Выбор между двумя возможностями (*oder*) объясняет предпочтение нарратора одного явления другому. Различные виды модальности (потенциальная: *können*, интенциональная: *wollen*, гипотетическая: *würde + инфинитив*, дебитивная: *haben + zu + инфинитив, sollen, müssen*) показывают отношение рассказчика к действию, оценку действия и др. Выражение сомнения передается через модальные слова: *kaum – едва, чуть, еле; eigentlich – собственно, вообще; ebenfalls – точно также, аналогично,*

оттеночные частицы: *denn, doch, gar, nur*. Наречие *wieder* – *опять, снова, вновь* демонстрирует повторяющееся действие, наречие *anders* – *иной, другой* указывает на определенные отличия от чего-либо. Противопоставление себя другим происходит через личное местоимение «*ich* – я» местоимению «*wir* – мы». В примерах из РП имеет место оценочная лексика (пейоративная и мелиоративная оценка), допускающая выражение различных точек зрения в оценивании ситуации или внутренних и внешних качеств человека. Союз «но» используется для противопоставления предшествующей информации, уступительный союз «хотя» демонстрирует согласие нарратора пойти на определенно соглашение и отказ от противостояния. Частица *ни* (в составе союза *ни ... ни*) служит для усиления отрицания. Сравнение позволяет нарратору сопоставить несколько разных взглядов на происходящее.

Стратегии эмпатии и дистанцирования свидетельствуют о желании женщины не только представить саму себя окружающим, но и дать оценку тем, кто находится непосредственно в поле зрения ее внимания, и кому, в силу ряда обстоятельств, она может давать положительную или отрицательную характеристику.

Стратегия эмпатии демонстрирует способность нарратора считывать внутреннее состояние другого человека, умение сопереживать и сочувствовать. Нарратор соизмеряет эмоциональное состояние третьего лица (лиц) с собственными поступками и мыслями, он пытается предугадать поведение и действие героев, изучает их чувства, мысли и намерения.

В НП в примерах со стратегией эмпатии (17,1%) нарратор касается вопросов доверия, переживаний, волнения, что несколько выше, чем у русскоязычного нарратора (11,9%), которого также волнует душевное и физическое состояние близких.

Лингвистическими средствами выражения стратегии являются: в НП – нарратор отождествляет себя с другими через местоимение «*wir*». Лексика с положительной оценкой говорит о выражении симпатии нарратора третьему (третьим) лицам и согласии с их действиями. Ряд глаголов указывает на возможные совместные действия: *über alles mit einander reden* – *обо всем говорить друг с другом, wir verstanden uns vom ersten Tag an* – *мы понимали друг друга с первого дня*. В РП в примерах используются местоимения «мы», «у нас», «всем». Лексика с положительной оценкой демонстрирует соответствие представлений нарратора с реальностью. В иронии скрывается истинный смысл происходящего.

Признаки стратегии эмпатии – личная расположенность; наличие общих интересов, связанных с возрастными рамками (ровесники), чувство поддержки (ребенок – родители) в немецкоязычных произведениях, доброжелательное отношение третьих лиц, внешняя привлекательность, чувство сострадания – в русскоязычных.

Женщине для ощущения гармонии с самой собой и окружающими требуется всплеск отрицательных эмоций, что может проявляться в **стратегии дистанцирования**, которую она может использовать по ряду причин

(несоответствие поступков окружающих ее собственным представлениям) или интуитивно (сама не может объяснить причину). Нарратор в НП подвергает критике окружающих меньше, чем представительница русскоязычной культуры (соответственно 10,1% и 13,1% примеров), что объясняется большей эмоциональностью русскоязычного нарратора.

Лингвистическими средствами выражения стратегии дистанцирования являются: для НП – номинация с приставкой *ex-* (*der Exfreund*), противительный союз «*aber*», неопределенное местоимение *jemand* (*кто-то, кто-нибудь*). Нарратор сравнивает, использует разговорную лексику, лексику, выражающую эмоциональное состояние; оценивает происходящее как «правильно – неправильно».

Для РП характерно использование наречий *почти* (меры или степени), *куда-то* (направления), противительного союза «*но*». Лексика, выражающая эмоциональную сферу человека, показывает его внутреннее состояние.

Признаки стратегии для РП – описание общества, в котором отсутствуют моральные качества, есть предательство со стороны близких людей, и ожидания часто оказываются обманчивыми. Для немецкоязычного нарратора это недостаточное внимание, разочарование, отсутствие взаимопонимания, поддержки и общих взглядов.

Нарратора как женщину интересуют тайны, вызывающие состояние тревоги и любопытства одновременно, что находит отражение в *стратегии саспенса* как привлечение интереса читателя к происходящему в нарративе – 4,4% для НП и 5,4% примеров для РП.

Стратегия саспенса реализуется через изображение состояния максимальной вовлеченности адресата (читателя) в происходящее, которое автор вызывает сознательно при помощи ряда приемов: 1) вызвать симпатию читателя к герою; 2) рассказать драматическую или вызывающую определенный интерес ситуацию или историю; 3) создать эффект удивления у читателя.

Лингвистическими средствами выражения стратегии саспенса являются для НП: статальные глаголы, указывающие на мыслительные процессы; союз *oder*. Оценочная лексика, противопоставление, аллюзия, риторические вопросы способствуют воссозданию происходящей действительности и дают возможность сделать речь нарратора выразительной и яркой.

Для РП характерны наречия времени *однажды*, наречия образа и способа действия *вдруг*, неопределенного наречия *что-то*. Эмоционально-экспрессивная лексика и перечисление создают словесную образность повествования.

Признаки стратегии для РП – упоминание социального происхождения и истории предков, для НП – описание семейных отношений, анализ моды как совокупности привычек, вкуса и ценностей.

В рамках стратегий были выявлены следующие **тактики**: *отождествления, противопоставления, размышления, самообвинения,*

рефлексирующего воспоминания, интерпретации, сравнения, обвинения, критики, несогласия, противопоставления.

С учетом того, что весь личностный нарратив является самопрезентацией в широком смысле слова, **стратегия самопрезентации** понимается в узком смысле слова и реализуется тактиками *противопоставления, размышления и сравнения* в НП и тактиками *отождествления, размышления и противопоставления* в РП, что свидетельствует о практически одинаковом подходе женщин разных культур представлять себя другим.

Стратегия интроспекции представлена *тактикой размышления* в НП и тактиками *самообвинения и размышления* в РП, что говорит о склонности русскоязычного нарратора приписывать себе неблагоприятные поступки и внутренне себя в них обвинять. На самом деле женщину никто не обвиняет, кроме нее самой. Чувство вины у нее возникает из-за несоответствия социальным представлениям относительно чего-либо и демонстрирует зависимость от мнения окружающих.

Стратегия ретроспекции осуществляется с помощью тактик *рефлексирующего воспоминания, интерпретации и размышления* в НП и в РП. Нарратор русскоязычной культуры склонен анализировать события, имевшие место в прошлом и оказавшие на него как положительное, так и отрицательное влияние, и, вероятно, он очень перегружен информацией.

Стратегия пересмотра воплощается тактиками *размышления и сравнения* в обеих культурах. Приходя к определенному решению или выводу, нарратор выстраивает в логическую цепочку события, обдумывает произошедшее, сопоставляет факты и приходит к определенному умозаключению.

Стратегия эмпатии реализуется тактиками *размышления и отождествления* в НП и *отождествления* в РП. Немецкоязычный нарратор более склонен к объяснению самому себе своих внутренних ощущений по отношению к текущему эмоциональному состоянию третьего лица (лиц), ему нужны факты, а не внутренние ощущения, как русскоязычному нарратору.

Стратегия дистанцирования представлена тактиками *обвинения, критики и несогласия* в НП и тактиками *обвинения, недоверия и противопоставления* в РП. Тактику *обвинения* используют оба нарратора при осуждении, обвинении, приписывании кому-либо плохого поступка и позиционируют себя как личностей, имеющих право на подобное мнение. Немецкоязычный нарратор обращается к тактике *критики* с целью отрицательного оценивания поступков, к тактике *несогласия* – для демонстрации разногласий и отсутствия единомыслия, что указывает на более требовательное отношение немецкоязычного нарратора к окружающим. Русскоязычный нарратор, применяя тактики *недоверия и противопоставления*, оставляет третьему лицу надежду на свое возможное прощение и благосклонное расположение в будущем.

Стратегия саспенса осуществляется тактиками *интерпретации, размышления и сравнения* в НП и тактиками *интерпретации и размышления* в

РП. Нарраторы обеих культур для реализации данной стратегии истолковывают выбранную линию поведения и придают смысл происходящему, высказывают свою точку зрения, приходят к определенным умозаключениям. Немецкоязычный нарратор сравнивает реальный и выдуманный мир, что позволяет предположить, с одной стороны, его настрой на мотивацию и конкурентоспособность, с другой стороны – слабую самооценку.

Нарратор часто ведет повествование со своей точки зрения, которая заложена в определенную нарративную стратегию, представляющую собой основную характеристику параметров сюжетно-повествовательного произведения (повествования), основанного на принципе взаимосвязи коммуникативного намерения и событийного ряда. Определенная систематизация эпизодов, заключающаяся во фрагментации истории и связывании событий в определенную последовательность, способствует сюжетной организации нарративности.

В заключении обобщаются основные результаты диссертационного исследования и формулируются выводы. Выдвинутая гипотеза о том, что сходства и различия в смысловом наполнении женского нарратива в немецко- и русскоязычных литературных произведениях зависят от жанров исследуемых художественных произведений, полностью подтвердилась.

Авторами художественных произведений являются женщины, передающие собственное мировосприятие, особенности взглядов на жизнь, которые могут быть выработаны исключительно женщинами. Сюда нельзя отнести все тексты, написанные женщинами, из чего следует, что быть женщиной недостаточно, чтобы писать женскую литературу. В женском нарративе одним из основных критериев женственности является понимание читателя-женщины, насколько автор женщина идентифицировала себя с женщиной и показала свою природу. Содержание нарратива феминного нарратора напрямую зависит от поставленных им целей, с помощью которых он стремится достичь ожидаемого результата, предположить реакцию собеседника или читателя. Культурная картина мира носительницы определенного языка проявляется в различном ее отношении к окружающим и явлениям культуры. Смысловая наполненность нарратива представительницы немецкой культуры основана на ее семейных ценностях, внутреннего понимания самой себя, оценивания поведения окружающих, преодоления одиночества через замену общения с реальными людьми на мир фантазий и ухода от действительности. Смысловая составляющая нарратива представительницы русской лингвокультуры складывается из ее собственного опыта общения с людьми, сложных, трагических этапов в истории развития страны и ее становления как личности.

Одной из ключевых тем в женском нарративе являются отношения внутри семьи между родителями и детьми (равнодушие и нежелание понять ребенка). Не менее важными являются вопросы доверия между супругами (отсутствие общих интересов, разные взгляды на моральные ценности), обращение самой к себе (обвинение себя в сложившейся ситуации), умение сострадать другим и желание бороться за себя как в личной, так и профессиональной сфере. Сделано

предположение, что все проанализированные произведения объединяет проблема становления феминной личности.

Номинации женского рода позволяют проанализировать выявленность женщины как таковой в нарративных блоках. Для НП можно отметить лексические единицы, которые номинируют лица женского пола в нарративе нарратора-женщины: *die Schwester, die Frau, das Mädchen, die Cousine, die Liebesromanautorin, die Moderatorin, die Freundin, die Lehrerin*. Рассмотренные номинации лиц женского пола группируются по следующим признакам: 1) женские профессии/вид деятельности: *die Liebesromanautorin, die Moderatorin, die Lehrerin*; 2) родственные отношения: *die Schwester, die Cousine*; 3) дружеские отношения: *die Freundin*; 4) происхождение: *die Frau* (ранее аристократки), *das Mädchen* (ранее девушки из простонародья, прислуга). Выделяется ряд значимых суффиксов: суффикс *-chen* (может реализовать также уменьшительно-ласкательное значение: *das Mädchen*); суффиксы *-e*: *der Cousin – die Cousine*; суффикс *-in*: *der Moderator – die Moderatorin*. Имеют место случаи несовпадения биологического пола существительного с родом существительного (в немецком языке: *das Mädchen*), что объясняется этимологией слова.

Для РП выделены номинации лиц женского пола (*няня, уборщица, уродинка, прислуга, принцесса, девка, жена, дура, шалава, красавица, супруга, бабушка, дворянка, мама*), среди которых: 1) женские профессии/вид деятельности (*прислуга, няня, уборщица*); 2) родственные отношения (некровные: *супруга, жена*); 3) родственные отношения (кровные: *мама, бабушка*); 4) отрицательная оценка (*уродинка, дура, шалава*); 5) положительная оценка (*красавица*); 6) сравнение: (титул: *принцесса*). Для русского языка характерны суффиксы: *-к(а)*: *уродинка* (оценочное значение, смягчающее), *девка* (сниженное значение); *-иц(а)*: *красавица* (от прил.: *красивый*); *-щиц(а)*: *уборщица* (сфера занятости); *-есс(а)*: *принц – принцесса* (титул в переносном смысле).

Коммуникативный процесс в литературных произведениях, на котором строятся отношения читателя и автора, реализуется посредством нарративных стратегий, репрезентирующих следующие отношения:

Я – Я₁ (*стратегии интроспекции и пересмотра*) – это автокоммуникация, в результате которой человек получает новое знание о себе самом, меняется его сознание, поэтому он уже не Я, а Я₁. Это лирический субъект, прежде всего. Дистанция между нарратором и объектом описания минимальна.

Стратегии самопрезентации и ретроспекции обращены как к себе, так и к коллективному адресату: *Я – Я₁* и *Я – ТЫ*, т.е. помимо автокоммуникации значима внешняя перспектива. Нарратор выступает и лирическим субъектом, и рассказчиком, осуществляет коммуникацию не только с самим собой, но и с коллективным адресатом (читателями).

Я – ОН (*стратегии эмпатии и дистанцирования*) – дистанция между нарратором и объектом описания самая большая, наблюдается внешняя перспектива. Эти авторские проявления выступают в тесном единстве, но в

разных нарративных ситуациях, одна из них может выдвигаться на первый план.

Я – ТЫ (*стратегия саспенса* – это авторский прием, чтобы заинтриговать читателя) – преобладает внешняя перспектива, лирический субъект отходит на задний план. Для нарратора важно так рассказать историю, чтобы вызвать интерес читателя.

Стратегии *самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра, эмпатии, дистанцирования, саспенса* реализуются посредством тактик: *отождествления, противопоставления, размышления, самообвинения, рефлексивного воспоминания, интерпретации, сравнения, обвинения, критики, несогласия, противопоставления.*

В ходе исследования выявлены комплексные стратегии: *самопрезентации – ретроспекции, интроспекции – ретроспекции, ретроспекции – пересмотра, эмпатии – ретроспекции, дистанцирования – ретроспекции* – в НП; *самопрезентации – ретроспекции, интроспекции – ретроспекции, пересмотра – ретроспекции, эмпатии – дистанцирования – ретроспекции, эмпатии – дистанцирования, саспенса – ретроспекции* – в РП.

Автор является субъектом высказывания и демонстрирует свою точку зрения, приглашая читателя к совместному размышлению. Создавая художественный текст, автор ориентируется на определенные модели отражения мира, закрепленные в той или иной национально-культурной среде. Современные авторы-женщины репрезентируют через литературную коммуникацию с гендерной маркированностью культурное сознание феминного нарратора, выступающего в роли говорящего субъекта, который занят не только поисками собственной идентичности, но и выражением своей социальной значимости. Проанализированные в рамках исследования произведения разноплановые по жанру, авторы их принадлежат к разным поколениям, что дает нам возможность выявить не только сходства, но и различия коммуникации в представленных лингвокультурах.

Как показал анализ, выбор лингвостилистических средств помогает нарратору создать определенную атмосферу, которая производит на читателя желаемое впечатление и имеет прагматическое воздействие, заключающееся в том, чтобы оказать эмоциональный эффект на читателя, передать необходимую информацию, заставить оценить ее с позиции незаинтересованного лица.

С учетом того, что нарратив представляет собой повествование о прошлом, особый интерес представляют временные формы, действующие как переключатели с одного временного плана на другой. Выявлено, что в нарративах немецкоязычного нарратора чаще являются текстообразующими категории времени и модальности (потенциальной, интенциональной, дебитивной, гипотетической). Одними из наиболее часто используемых временных форм являются претерит, перфект и плюсквамперфект, выражающие прошедшее время. Модальность реализуется модальными глаголами, модальными словами, оттеночными частицами, оценочной и разговорной лексикой. Лексические повторы, перечисления,

противопоставления, идиомы также являются средствами репрезентации нарративов немецкоязычного нарратора. Немецкоязычный нарратор, используя аллюзии, пытается раскрыть определенные темы, помогающие ему объединить все части текста в смысловое целое.

В нарративах русскоязычного нарратора в качестве текстообразующих выступают категории времени и модальности. На свершившееся событие указывает прошедшее время глаголов. Лексические временные индикаторы (*тогда, прежде* и т.д.) также являются показателями прошедшего времени. Модальность в большинстве случаев отражена в использовании вводных слов и вводных конструкций. Оценочные прилагательные и эмоционально-экспрессивная лексика выражают суждение рассказчика, его оценку окружающим и их действиям. Сравнения помогают нарратору сопоставить разные предметы, явления или действия. Использование нарратором клишированных выражений свидетельствует о поиске им оптимальных решений, неосознанной попытке воздействия на читателя. Фразеологизмы выступают средствами выразительности речи нарратора, делают ее экспрессивной и образной.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в проведении сравнительно-сопоставительного анализа женских нарративов авторов-женщин и авторов-мужчин в рамках одной лингвокультуры, что позволит выявить вероятные различия в использовании лингвостилистических средств или опровергнуть мнение о том, что авторы – женщины и мужчины – подходят к решению данной проблемы по-разному.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки России:

1. Зубенко Я.В. Актуализация гендерного аспекта в женском нарративе / Я.В. Зубенко // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 641-658.
2. Зубенко Я.В. Нарратив как информационный генератор интеллектуальной личности / Я.В. Зубенко // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2020. – № 1 (45). – С. 108-118.
3. Зубенко Я.В. Женщина в языковой картине мира (на материале художественных произведений немецкоязычных авторов) / Я.В. Зубенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 107-124.
4. Зубенко Я.В. Выявление роли функциональных стратегий в женском нарративе (на материале художественных текстов на немецком и русском языках) / Я.В. Зубенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 4. – С. 1268-1273.

5. Зубенко Я.В. Прагматические стратегии и тактики женского нарратива (на примере немецко- и русскоязычных художественных произведений) / Я.В. Зубенко // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. – 2022. – № 1 (87). – С. 66-75.

Другие публикации:

6. Зубенко Я.В. Дискурсивные компоненты нарративности и ее композиционно-речевые формы / Я.В. Зубенко // III Международные педагогические и гуманитарные научные чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Шадринск: ШГПУ, 2020. – С. 75-81.

7. Зубенко Я.В. Нарративные стратегии в истории исследования текстовых структур / Я.В. Зубенко // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: материалы междунар. науч. конф., посв. 90-летию проф. С.А. Хаврониной. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2020. – С. 75-78.

8. Зубенко Я.В. Основы исследования теории повествования / Я.В. Зубенко // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики: сб. науч. ст. – Костанай: Костан. гос. ун-т им. А. Байтурсынова, 2020. – С. 306-313.

9. Нефедова Л.А. Переводческие трансформации в переводе женского нарратива главной героини романа К. Вольф «Медея. Голоса» / Л.А. Нефедова, Я.В. Зубенко // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Орел, 2020. – С. 865-875.

10. Zubenko Y. Antiquity materials as phenomena contributing to disclosure of female being / Yana Zubenko // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. – 2020. – P. 539-545.

11. Зубенко Я.В. Гендерно-маркированные единицы в немецком и английском языках (на примере романа Эльки Шмиттер «Госпожа Сарторис») / Я.В. Зубенко // В мире науки: вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения: материалы V Междунар. конкурса науч.-исслед. работ студентов, магистрантов и аспирантов: в 2-х ч. Ч. 2. Вопросы филологии и переводоведения. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 276-280.

12. Нефедова Л.А. История становления гендерных исследований в лингвистике как нового научного направления / Л.А. Нефедова, Я.В. Зубенко // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. – Кишинев, 2021. – С. 46-51.

13. Зубенко Я.В. Особенности перевода стратегий коммуникативного воздействия в женском нарративе / Я.В. Зубенко // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий,

лингвистический и дидактический аспекты: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2021. – С. 224-234.

14. Зубенко Я.В. Основные философские аспекты и социальные предпосылки в исследовании гендерных образов / Я.В. Зубенко // Актуальные вопросы филологии и пути их решения в свете глобальных трансформации: сб. науч. тр. – М., 2021. – С. 59-62.

15. Зубенко Я.В. Языковые средства выражения феминной идентичности / Я.В. Зубенко // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посв. 80-летию проф. А.Л. Зеленецкого. – Калуга, 2021. – С. 243-249.

16. Nikiforova E.S. Discrediting Strategy as an Element of Adversarial Communication in Trial Discourse / E.S. Nikiforova, Y.V. Zubenko, N.R. Geiko, Y.A. Simanchuk // *Linguistica Antverpiensia*. – 2021. – P. 1461-1476.

17. Zubenko Y. Narrative strategies in the text structure research history / Yana Zubenko // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. RLMSEE-2020: The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment*. – 2021. – P. 325-333.

18. Нефедова Л.А. Лингвостилистические способы выражения основных стратегий и тактик в женском нарративе / Л.А. Нефедова, Я.В. Зубенко // *Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности: материалы XV Междунар. науч. конф.* – М.: ИЭА РАН, 2022. – С. 40-45.